Я подняла голову и растерянно посмотрела на дерево.

«Слишком высоко».

Это дерево оказалось в три раза больше меня. Я думала, что оно будет максимум в два раза больше меня, но я глубоко заблуждалась.

— Тут слишком высоко… Можно мне лестницу?

— Если мы возьмем лестницу, то нас сразу же заметят. Ты же можешь просто залезть на это дерево, да?

Я посмотрела на свою ладонь. Она была в синяках и волдырях. Если я схвачусь руками за шершавый ствол, то мне все руки расцарапает. Должно быть будет очень больно.

Но я не могла сказать, что не хочу это делать.

«А что случится, если я скажу, что не буду это делать?»

Как и близнецы, я не хотела, чтобы меня выгнали из дома.

Это потому, что я слышала от других, как страшно и ужасно снаружи или мне промыли мозги? Я боялась этого неизвестного места. У меня было смутное представление, что, если ад и существует, то он снаружи.

Как сможет девушка, у которой нет ничего за душой, включая способности, выжить там? Всё, что я знала, я подчерпнула из книг, как я смогу там жить?

— …

Я смотрела то на ожерелье, то на дерево перед собой. Ствол был достаточно разветвленный, поэтому, кажется, там достаточно мест, куда можно поставить ногу. Я стиснула зубы и начала залезать на дерево.

***

Страшно. Это был другой вид страха. Я раньше не испытывала такого.

Ветки дрожали даже от малейшего движения. Посмотрев вниз, я увидела, что забралась не так высоко, но мне всё равно казалось, что я вот-вот упаду. Я почти ничего не сделала, но на лбу у меня выступил пот и потек по лицу. Я стиснула зубы и попыталась сосредоточиться.

Еще немного, еще чуть-чуть.

Ветка зловеще захрустела. Если я еще немного подвинусь вперед, то я смогу достать ожерелье, но ветка сломается раньше.

«Лучше сломать ветку с ожерельем. Сначала надо немного спуститься, вытянуть руку и сломать эту ветку».

Потом ожерелье упадет, а я, думаю, смогу спокойно спуститься с дерева.

Это была хорошая идея. План тоже был хорошо. Проблема была в том, что я была слабой, а ветка оказалась на удивление крепкой.

Повиснув на стволе дерева, одной рукой я попыталась сломать ветку, но мне это не удалось. Тогда я попыталась потрясти ветку, чтобы ожерелье упало, но и это не вышло.

«Почему, ну почему же оно не падает?»

Мне становилось все труднее поддерживать свое тело одной рукой.

Одной рукой я держалась за ствол, а второй я трясла ветку, стараясь как-нибудь сломать ее.

Казалось, что если я отпущу что-то одно, то я соскользну и упаду. Мои руки ужасно болели, но, каким-то образом, я держалась.

Наконец-то основание ветки хрустнуло...

— Э-э-э?

У меня сместился центр тяжести из-за отдачи от сломанной ветки. И вот я уже лечу с дерева.

«Что? Что это? Я падаю? Я умру?»

Я была так удивлена, что не могла издать ни звука.

Все вдруг замедлилось.

Близнецы, которые удивились, увидев, как я падаю, мой медленный полет, необычно солнечное осеннее небо и листья, падающие вместе со мной. Упавшая ветка слегка поцарапала лицо Лиззи.

Все это казалось очень медленным. А затем — бах, я с грохотом упала на землю. Мне показалось, что я себе всё сломала.

Коснувшись земли, я услышала, как колотится мое сердце.

***

Когда я в последний раз видела доктора? Кажется, я не обращалась к врачам с семи лет.

Даже если я заболевала, мне говорили, что мне станет лучше, если я просто приму лекарство. И мне нельзя было выходить из комнаты. Мои родители кричали, что из-за этого мои младшие брат и сестра могут заболеть.

— Лиззи, с тобой всё в порядке?!

— Ты ранена, Лиззи?!

— Вы должны были играть спокойно! Бабушка накажет виновницу!

Побледневшая Лиззи смотрела только на меня, а не на семью, которая суетилась вокруг нее. Лейн украдкой посмотрел на мою руку и усмехнулся.

— Ох, твое прекрасное лицо!

— Что, если из-за этого у тебя останется шрам?

— Зачем вы тут играли?

Все были заняты изучением лица Лиззи. У нее была совсем небольшая рана, поэтому ее перебинтовали. Эта царапина появилась из-за сломанной ветки, которая упала вместе со мной.

— Ты опять это сделала, да? Почему ты просто не можешь спокойно сидеть в комнате весь день?

— Что ты сделала с Лиззи на этот раз? Посмотри на ее бледное лицо! Как ты можешь называть себя старшей дочерью графа?

— М-мама. В этот раз это была моя вина. Сестра ни в чем не виновата. Мама? Папа?

Лиззи была злой, но ей было всего лишь тринадцать лет. Упав с дерева, я сломала руку,

шокированная этим она, заикаясь, попыталась заговорить с родителями.

Лейн же, напротив...

Настал день, когда я могу назвать Лиззи человечной.

Хотя они и были близнецами, но Лиззи была рассудительнее Лейна. Нет, скорее способной сочувствовать. Лейн же был в восторге от этой ситуации.

Я покрылась мурашками от этого.

Мои родители уставились на меня с сердитыми лицами.

Хотя я сломала руку, вы всё равно смотрите на меня вот так.

Я всегда хотела лишь того, чтобы меня любили в этом доме. Настанет ли когда-нибудь этот день? Правду говорят, что, когда человек слишком потрясен, он даже плакать не может.

— Лиззи, Лейн. Выйдите из комнаты сейчас же.

«Я...»

Я, конечно же, не ждала, что Лейн скажет что-нибудь в мое оправдание, но всё же до последнего надеялась. Я совсем немного, но надеялась, что на этот раз недопонимание между мной и родителями разрешится, и они меня похвалят, за то, что я хорошо со всем справилась.

Я хотела, чтобы они хоть раз спросили не больно ли мне.

— Я уже обсудила всё с твоим отцом. Если ты сделаешь это еще раз, тебя вышвырнут из этого дома. Тебе было недостаточно забрать кулон твоего брата, теперь ты пытаешься их изуродовать.

Они считают, что злодейка тут я, хотя это я пострадала. Их волнует лишь рана Лиззи.

Ха-ха, мысленно рассмеялась я. Всё, что я могла сделать в этой ситуации, — лишь посмеяться.

Поколебавшись, Лиззи в конце концов покинула комнату вместе с Лейном. Уродливые лица смотрели на меня, сидящую на кровати. Их лица выражали неодобрение, презрение и жалость.

— Лиззи должна завтра идти на прием в Академию, а ты поранила ее прекрасное лицо. Что ты

собираешься с этим делать?

— Завтра студенты Академии впервые собираются вместе, а ты всё испортила.

— В прошлый раз кулон, на этот раз шрам на лице. Что дальше? Тебе не место в этой семье!

По очереди сказали мама, бабушка и папа.

Все постоянно были суровы со мной, поэтому я опять подумала.

«Я сделала что-то не так?»

Потому что я уступила просьбе детей? Или потому что я глупо упала с дерева?

Или, может быть, моя вина в том, что…я родилась?

Моя рука пульсировала, а ладони были поцарапаны, на мне не было живого места. У меня были перебинтованы руки, и с их стороны было очень жестоко не спросить меня, как я себя чувствую.

«Для начала, я сама не знаю, где я перешла черту».

Затем они снова по кругу начали обвинять меня.

— Ты сидишь дома, поэтому не так уж важно, что тебе больно, но Лиззи будет часто показывать свое лицо в будущем. У тебя совсем нет совести.

Моя бабушка воззвала к моей совести.

Совесть? Что же вы от меня ждете?

Я должна плакать и умолять, что бы ни случилось?

Обычно я бы так и поступила, но у меня не было сил ни пошевелиться, ни заговорить.

— Ты вышла из домика, хотя у тебя испытательный срок, теперь даже не думай приближаться к главному зданию. Ты наказана. Если это повториться еще раз, я тебя больше не буду предупреждать, я тебя сразу же вышвырну.

Раздался суровый голос моего отца. Теперь я застряла в садовом домике на неопределенный срок. Это будет моим наказанием. Оказаться в ловушке без какого-либо ограничения по времени.

Мой отец ушел первым. За ним ушла, цокнув, бабушка. Мама молча на меня смотрела, а затем произнесла:

— Я сделала всё возможное, чтобы тебя не вышвырнули отсюда. Я так часто была снисходительна к тебе, потому что ты мой ребенок, а ты меня так подводишь.

Ее губы дрогнули. У меня душа ушла в пятки, и я произнесла одними губами. Выслушай меня. Мама.

Я не знала, что хочу сказать. Я была так растеряна, что мне просто хотелось сказать ей хоть что-нибудь.

— Мама, я...

— Прислушайся к последнему предупреждению отца. Я тоже больше не смогу договорить об еще одном шансе для тебя. Ты принимаешь лекарство, которое я тебе дала? Поправляйся поскорее.

Вам изначально не надо было быть снисходительной ко мне, мама, ведь я же ваш ребенок.

Меня охватило глубокое отчаяние. Мне казалось, что я плыву, я не могла понять, реальность это или кошмар. Если сравнивать с цветами, то мне казалось, что я тону в черной краске. Я задыхалась.

Я позвала маму, что хоть как-то выжить в этом глубоком болоте. Я позвала ее так, словно она была моим последним средством спасения.

— Мама, если я скажу вам, что у меня есть способность...

Тогда вы сможете посмотреть на меня, как на полноценного ребенка?

Но я не смогла закончить предложение.

Мама неожиданно сильно поморщилась.

— Прекрати говорить эту чушь. Я даже слышать не хочу о способностях.

— М-мама…

Я встал со своего места и попытался схватить маму. Но моя мама заскрипела зубами, ее губы слегка дрожали, она холодно ударила меня по руке.

— Похоже, ты снова хочешь пройти тест. Если выяснится, что у тебя с опозданием появилась способность, весь мир будет звать тебя мутантом, а если нет — ты прослывешь идиоткой.

Мутант и идиотка.

Проявление поздней способности называли мутацией второй степени, да, я идиотка. Так называли таких людей, как я.

Я не могла с этим поспорить, точнее, у меня не было на это сил.

— Мне надоели эти разговоры о тестах, что ты хочешь проверить? В конце концов ты только дашь пищу для слухов, что твоя мать такая же глупая и странная, как и ее дочь?

Мне было очень больно видеть, как мама гневно смотрит на меня.

Я не смогла ничего сказать и позволила маме уйти. У меня даже не было возможности поговорить о способностях.

Я больше не могу этого выносить, мама…

http://tl.rulate.ru/book/52588/1459494